

«Решения принимают все, кому не лень»

ФОТО: GUARDIAN.CO.UK

Продолжение. Начало на стр. 1

Но этим списком вообще нельзя пользоваться. В нем масса непонятных пунктов, которые неизвестно что описывают. Там есть повторы, есть ошибки. В нем есть материалы, которые разными судами запрещены по несколько раз. Ясно, что это в принципе работать не может.

Например, саентологи выиграли суды во всех инстанциях и добились отмены запрета своих материалов в Сургуте, даже Минюст на днях удалил около 29 наименований их литературы из федерального списка. Неслыханная победа! Но у них идет еще один суд в Москве по тем же самым книжкам – вот в чем парадокс нашей судебной системы.

– Если материалы включают и исключают из списка на основании решения суда, почему Минюст не выполняет решения? Мы писали о книге «Чжуань Фалунь», которая не была исключена из списка даже после решения областного Краснодарского суда, отменившего решение районного суда о признании его экстремистской литературой?

– Весь парадокс в том, что в законе прописано, как этот список пополняется, но никак не написано, на каком основании материалы могут быть удалены из списка. Ну и что, что решение отменено? Пока дело висит на обжаловании в Краснодаре, Минюст будет упираться. Эта ситуация не правовая, вот в чем дело, тут нет нормы.

В принципе должна быть или поправка в законе, или приказ Минюста, регулирующий процедуру, или разъяснение Верховного суда.

– Однако никто в этом не заинтересован, несмотря на то, что по закону решение суда выше любого списка. Можно ли в этом случае распространять книгу, которая в «черном списке», но есть решение суда о непризнании ее таковой?

– Можно. В Кодексе об административных правонарушениях написано о наказании за массовое распространение литературы, признанной судом экстремистской. Раз этого признания нет в данный момент, значит, человек, распространяющий данную книгу, не нарушает закон. Не важно, что она есть в списках – это всего лишь технический инструмент.

Но это теория – на практике может оказаться и не так. Сейчас готовится постановление пленума Верховного суда по этим вопросам. Есть слабая надежда, что какие-то разумные пояснения будут приняты, и они будут иметь обязательную силу.

– Что произойдет, если такая книга

попадает в библиотеку или в продажу через книжные магазины?

– Теоретически, если нет вступившего в силу решения суда, то не должно быть никакого преследования, но если оно случится, надо будет опять судиться.

Это действительно темное место, его в законе плохо описали, эта процедура некачественно описана. Большинство правоприменительных процедур очень подробно расписаны, потому что они применялись на практике в течение длительного периода, к ним есть комментарии, а здесь как-то очень водянисто, поэтому каждый применяет ее как хочет.

– Спасибо за разъяснения. В большинстве случаев в вопросах признания или непризнания литературы экстремистской судьи руководствуются заключениями экспертов. Какие требования имеются к экспертизе?

– У нас имеется очень жесткая позиция по отношению к экспертизе как к порочной системе, от которой надо отходить. 10 лет тому назад этого еще не было. Сейчас устроено так, что любое дело, связанное с обвинениями в экстремизме, не важно, книга распространяется или кто-то кому-то голову проломил на улице, все равно, обязательно подавай экспертов – лингвистов, историков, без этого суд вообще не принимает дело.

Соответственно, когда идет следствие по административному делу (по книгам, например), прокуратура обязана привлечь экспертов, иначе суд не возьмет дело в производство. Хотя еще в инструкциях Генпрокуратуры 10-летней давности написано, что экспертов надо привлекать лишь в том случае, когда необходимы специальные познания для расследования. На это, между прочим, тратятся казенные деньги, поэтому исторически экспертиза была всегда ограничена.

Вопрос, возбуждает ли кто-то к кому-то ненависть, – это юридический вопрос. Он является предметом судебного рассмотрения, на него никакой эксперт не имеет права отвечать, и спрашивать его об этом нельзя.

Но сейчас этот барьерчик размылся, экспертизу заказывают по всякому поводу. При этом эксперт отвечает на вопрос о возбуждении ненависти к кому-либо, что вообще противозаконно. Эксперта по закону можно спрашивать только в сфере его профессиональной компетенции. А вопрос, возбуждает ли кто-то к кому-то ненависть, – это юридический вопрос. Он является предметом судебного

рассмотрения, на него никакой эксперт не имеет права отвечать, и спрашивать его об этом нельзя. Прокурор своим юридическим сознанием должен понять, а судья своим юридическим сознанием оценить, а не эксперт.

Это может быть научный труд, который возбуждает ненависть, может быть и любовный роман. Судья должен прочесть книжку и вынести решение. Когда суд имеет дело с религиозными текстами, эксперт нужен для того, чтобы по-

а в группе последователей Фалуньгун, преследуемых коммунистическим режимом в Китае, и поэтому здесь затрагиваются вопросы, связанные с дипломатическими отношениями с Китаем.

– В том то и дело, что книга «Чжуань Фалунь» незаконно преследуется только в Китае, а теперь и в России она числится в «черном списке», что вызывает недоумение у мировой общественности.

– Вы думаете, те, кто запрещал книгу, хотя бы открывали ее, чтобы узнать, о чем там пишется? У них политический интерес, он хотя бы понятен. Я не говорю, что это хорошо, но хотя бы понятен смысл преследований, а вот преследование Свидетелей Иеговы нельзя понять вообще, здесь нет дипломатической подоплеку, нет предполагаемой связи с террористами, ничего нет.

Или вот баптистов травят неизвестно почему. Они даже не иностранные, свои родные. Возможно, у кого-то в голове это отложилось от советских времен, когда баптисты были олицетворением понятия секты.

Есть огромное количество дел, которые открыты благодаря чиновникам, офицерам ФСБ, МВД, прокуратуры. Как вы думаете, чем они руководствуются, если у них нет специального интереса или заказа? Они должны в некотором роде выдумывать дела, оглянуться окрест и найти экстремистов.

Хорошо, если они добросовестные люди, увидят, что какие-то деятели охотятся на таджикских дворников, и скажут – вот они экстремисты, сейчас мы их будем ловить. А бывает и такое, что чиновник ищет, кого легче поймать, кто никуда не прячется, все открыто, бери книжки и открывай дело.

– Александр Маркович, в течение многих лет ваш центр систематично расследует многочисленные факты уголовных преступлений и других правонарушений на почве ненависти и вражды. Вы сами, выходя на улицу, не боитесь стать объектом преследования?

– Наоборот, когда очень много с этим работаешь, то глаз замыливается, и все эти ужасы перестают восприниматься. Чтобы произвести впечатление на наших сотрудников, надо рассказать им совсем уж людоедскую историю. Но сожаление или к счастью, человек так устроен, срабатывает механизм защиты, человек адаптируется.

Ульяна КИМ

Печатается с сокращениями.
Полный текст: <http://www.epochtimes.ru/content/view/47852/54/>

Директор Информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский

Это как в баллистике: эксперта можно спросить, как летела пуля и из какого ствола она была выпущена. Его нельзя спросить, убил ли Сидоров, или убил ли он из ненависти. А если вопрос задали эксперту, это является грубым процессуальным нарушением.

– С какой долей объективности можно проводить экспертизу по религиозной литературе?

– У нас светское государство, и для уголовного процесса без разницы, хорошая вера или плохая, о чем там пишут – о высших материях или не очень высоких.

Я считаю, что не надо государству в это влезать. Государство должно рассматривать юридические вопросы, которые само же и прописало в законе. Для чего может быть нужен эксперт? Берем религиозный текст, который содержит учение, и судья должен выяснить, возбуждает он к кому-то ненависть или нет. В какой форме он возбуждает, не имеет значения, это не вопрос суда.

Я считаю, что не надо государству в это влезать.

Государство должно рассматривать юридические вопросы, которые само же и прописало в законе. Для чего может быть нужен эксперт? Берем религиозный текст, который содержит учение, и судья должен выяснить, возбуждает он к кому-то ненависть или нет. В какой форме он возбуждает, не имеет значения, это не вопрос суда.